

© 2001 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ-НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - заместитель главного редактора журнала "Социологические исследования".

Среди обсуждаемых (в том числе в журнале "Социологические исследования") грядущих крупных изменений во многих сферах общества - проблемы перемен в образовании, в науке, информатизации, институтов научного знания. Однако в конкретных суждениях и выводах по комплексу проблем, производному от знания, не в должной мере учитывается компьютер. Дигитальное (цифровое, выражаемое цифрами) знание - веха истории человечества, сравнимая с открытием письма, массового книгопечатания, Нового света. В истории цивилизаций рост знаний - важнейший эмпирически фиксируемый показатель прогресса человека и человечества [1]. Начало компьютеризации общества вызвало ряд подвижек в затронутых становлением информационного киберпространства сферах [2]. Исторически новый носитель и транслятор знания способен преобразовать многие социетальные сферы во первой половине XXI в. Компьютер уже затронул сферу знания во всем ее многообразии; без учета "дигитального вызова" обсуждение тенденций и проблем социологии знания становится фрагментарным. На это указывает обзор литературы по социологии знания.

Что знает наука о знании?

Современная литература по проблемам знания (в основном социологическая и философская) акцентирует темы истинности знания и познания, знание научное, теоретическое и эмпирическое, науку, передачу знания через обучение, проблемы знания части и целого, знание повседневное и умозрительное, формулирует дефиниции феноменов знания, познания, информации, научного знания, естествознания. В какой-то мере такое ее состояние - итог развития науки в новое время. В XVI в., открыв "научный" метод, И. Ньютон рассмотрел факторы знания [3, р. 85]: "4 идола", по его словам, терзают ум-идолы племени, пещеры, рынка, театра, то есть примерно общество, личность, общий язык, манера выражаться, ярлыки, философская система, среда, привычка. Кант писал о естествознании; Гегель о развертывании в истории высшей истины; Маркс и Энгельс - о природе идеологии в обществе. В списке готовивших социологию знания О. Бауэр, А. Бергсон, М. Вебер, В. Дильтей, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Д. Лукач, Ф. Теннис, Э. Трельч и др. [4].

Возникновение самой социологии знания (Wissenssoziologie) датируется 1921-24 гг. и связано с именем немецкого философа и социолога [3, р. 161] М. Шелера. Его работы побудили ряд современников [5], в частности, К. Мангейма (1893-1947), признанного лидера социологии знания, заняться разработкой социологической дифференциации знания по слоям возрастным, поселенческим, религиозным, образовательным, про-

---

Работа выполнена при поддержке РФНФ - грант 000-0310-127.

фессиональным и другим, знания реалистического и идеологического, соотношения его с практикой, идеологией, обусловленности знания социальным окружением [6]. Его широко известная в конце 30-х гг. книга "Идеология и утопия" (1936 г.) в центре держит отношение знания и социума. В ней автор [цит. по: 3, р. 264] о социологии знания писал как об одной "из самых молодых ветвей социологии. Как теория она стремится анализировать отношение между знанием и экзистенцией. Как историко-социологическое исследование она стремится проследить формы, которые принимали эти отношения в интеллектуальном развитии человечества... социальные узы между теориями и модальностями мысли, связи мысли и действия".

Флориан Знанецкий выделял (1940 г.) М. Шелера и К. Мангейма за их "систематические попытки проследить зависимость знания от социальных условий (культуры)" [3, р. 308]. Так же о становлении этой отрасли социологии писал К. Поппер: "...эта доктрина разработана недавно (особенно М. Шелер и К. Мангейм) как теория социальной детерминации научного знания. Социология знания считает, что научная мысль, особенно социально-политическая мысль, развивается не в вакууме, а в социально обусловленной атмосфере, и на нее в основном действуют элементы сознания и подсознания" [3, р. 650]. Он подчеркнул историзм анализа Мангеймом проблем социологии знания. В то же время ее недостатком (того времени) Ф. Знанецкий и составители американской хрестоматии по социологии знания считают слишком широкие притязания и саму концепцию предмета [3, р. 1].

Во второй половине XX в. исследователи продолжали анализ сложившегося круга проблем. "После второй мировой войны эмпирические исследования социологии знания в основном велись под именем социологии науки..., научной деятельности" [7, р. 5]. Обсуждались количество и качество знания, критерии оценки знания, знание как историческое "тело", агент, действующее лицо и как функционирующая структура с коммуникационной, культурной, социетальной, семиотической, институциональной, национальной (страновой) и другими подсистемами, механизмы регуляции сферы. Анализировалась наука как систематизированное знание, и как знание, имеющее общественно признанную ценность и институционализацию, методы получения. Еще больше фрагментировали проблемное поле социологии знания работы по естествознанию, науке, познанию, теоретическому разуму.

Новацией в социологии знания стало лингвистическое обоснование социального познания по гипотезе Сапира - Уорфа (разные народы имеют разные языки и формы мышления/отражения знасмого) [8, с. 83]. Сформировалась социолингвистика, изучающая связи истории, институтов, языка, терминологии. Так, Бергер и Лукман [9, с. 65-66] подчеркивают, что "язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени, передать следующим поколениям".

К концу века понятийный аппарат и проблемное поле социологии знания стали охватывать знание как институт общества вообще и конкретного общества в частности, ценность, объект передачи, техническая проблема, специфические характеристики знания, носители знания, знание/незнание. Сложился подход к знанию и социологии знания как социальным проблемам накопления и использования знания, точности знания и дифференциация наук на точные и "неточные". В сущности это базовые характеристики знания: его качество как способность ориентироваться в незнании и осуществлять рефлексию по поводу незнания, как прививка от вероятных и неизбежных ошибок, "...знание можно определять как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают определенными характеристиками" [9, с. 9]. Этот же смысл в термин "знание" вкладывают массовые словари "ясная перцепция (восприятие) истины или факта" [например, 10, р. 547].

Обнаружилась сложность отделения собственно социологии знания от философии: "Часто бывает сложным провести грань между социологией знания и философией знания" [11, р. V] - поскольку объективность знания - сфера эпистемологии. Понадобилось делить оба подхода. Феноменологическая школа связала знание с социальным

конструированием реальности [9]. Социальная практика XX века во все большей мере обнаруживала существенные ограничения знания, науки, ее носителей - в условиях и капитализма, и социализма. Оказалось, что капиталистический рынок, регулирует сферу знания не лучше и не хуже, чем социалистическое государство: кошмар атомной катастрофы уравновешен крахом СССР. Эту сферу, как показало время, регулируют человек и общество - хуже или лучше. Состояние же общества, видимо, дало повод Э. Гуссерлю говорить о кризисе науки, А. Шюцу обсуждать проблематичность самой социальной реальности.

Новую грань проблематике знания добавил конкурент "знания" - информация, терминологически подразумевающая и знание и акт информирования; идеология, интерес могут фальсифицировать информацию [12]. Появляются философские, социологические исследования информации, информатизации, последствий информационной революции, роста информационных технологий. Видоизменилась проблема различения знания, познания, информации, знания как науки, как феномена культуры и как идеологий. Социологи обсуждают знание как агентство и структуру [13], меру, степень, качество знания, связи знания и веры, знание как истину, красоту, знание негативное, знание как продукт, используемый, накапливаемый, имеющий стоимость, профессии сферы знания, "индустрию знания" с передачей, воспроизводством, потреблением, полезностью, ценностью, время и пространство как характеристики знания. Предложены типы отношения людей к информации Зайферт.

Устоят ли сложившиеся подходы перед вызовом дигитального знания? Новое состояние науки о знании, включая социологию, связывают с постмодерном [14]. Возможно, новации, связанные с компьютером и Интернетом, действительно постмодерн, может быть - выход за его пределы. Но социологу эту проблему следует рассматривать эмпирически, с точки зрения содержания перемен.

Что меняется и как?

Новые моменты, связанные с выходом пользователей персональным компьютером за знание и киберпространство, коснулись, как представлялось вначале, расширения чисто технологических параметров: хранение, передача, язык и символы (цифры, фигуры) как носители информации; доступность, скорость передачи (Интернет), хранение в базах данных, собственно и образующих киберпространство; новые языки кодировки, презентации (представления) знания включая звуковую, буквенную, знаковую (точка-тире в "морзянке" - прообраз), цифровую презентацию сведений, искусственные целевые языки, передающие пользователю требуемые сведения специальными средствами: технику "окон" с возможностью сочетания представления знаний во многих ракурсах, в объемном виде. Меняются единицы измерения знания, возможно решение сложных логических задач [например, 15], предоставление требуемых знаний пользователю. Однако ситуация с информацией и новое качество проблем в сфере знания создают шлейф социальных последствий. Невиданная доступность знания придает обществу ускорение, сравнимое с ускорением автомобиля. Как всякое сравнение, это сравнение хромает: отражая скорость, оно не передает качества перемен. Возникающие проблемы нельзя оценить знаком плюс, знаком вопроса или минуса, они неоднозначны и переплетены. Вот некоторые из них.

Хранение, сохранность гарантирует непрерывность знания, считают специалисты по истории знания [1, р. XXVII]; избежать потерь знания в прошлом люди технически не могли; иначе Ренессансу (Возрождению) нечего было бы возродить. Новый уровень доступности знания - перспектива, несравнимая с Ренессансом. Уходят языковые, профессиональные барьеры (не говоря о расстояниях: Ломоносов наших дней благодаря дистанционному обучению, к примеру, получит "на дом" доступ в МГУ, Сорбонну, Гарвард, Оксфорд). Преодолеваются издержки деления целого знания на части. Становится возможной информационная поддержка индивидов, не владеющих чужим языком, математическим аппаратом, конкретными методиками. Сокращение

фрагментации знания меняет конфигурацию институтов знания, а новая нарезка его полей - систему образования. Обучение возможно и как усвоение знаний (логическое, эмоциональное, интуитивное) через реакцию на картинку на мониторе (вызов - ответ). По-иному встают проблемы грамотности, письма, изучения иностранных языков, профессионализации, школы.

Новое - это разрушение прежнего знания, интеракция, антагонизм с прежними носителями знаний - живыми и вещными. Традиционные разделы знания: точное, общественное, гуманитарное и т.п., обретут иные границы. Актуализируются другие виды знания, факт, эмпирически фиксируемый социологами в последнее время [16, с. 21]: вера как инструмент познания, знание через мораль, искусство с интуитивным предчувствием (классические примеры - поэзия как предвестник века; начало, истоки эпохи Возрождения в искусстве, живописи), пророчество - прогноз и вариант решения.

Доступность знания снимает традиционные ограничения с профессиональных пользователей. "Человек знания" типологически более не подобен хранилищу накопленных сведений: практически любому компьютер открывает данные, прежде доступные подготовленным, обученным, институциональным специалистам. Количество (объем) накопления и получения знания за единицу времени (скорость, в том числе - политических практик) сокращает время между получением и производством, передачей, использованием полученного знания. Оно перестает относиться фактически к прошедшему. Общедоступность знания (монитор карманного компьютера) ведет к массовому знанию, "массовой науке", может быть, аналогичным массовым культуре, обществу. Появляются новые профессии (напр., провайдер), профессионально-социальные группы.

В политике доступность знания, казалось бы, делает невозможным игнорирование интересов социальных групп. В то же время, перемены в сфере "знание и демократия" при внешне безбрежном демократизме скорее обостряют проблему равенства, справедливости (не говоря уже о манипуляциях). Распределение знания, возможности его переработки, пользования сейчас уже неравномерны даже по цене хранения и передачи, не говоря уже о наращивании, освоении, и т.п.

В культурном, культурно-историческом контексте знания интернациональный язык компьютера создает новый потенциал конфликтов, поскольку национальное, страновое, социальное, даже политическое культурно (этнически) окрашено, а традиции, в частности, языковые, мыслительные, культурные, сопротивляются переменам. На вопрос: преодолевать или сохранять культурные специфики, могут быть и будут разные ответы, с разными следствиями для общества. Современные семиотика и семантика предупреждают прикладников-социологов о важности адекватного перевода с языка на язык. Форма подачи знания на базе конкретного языка (языков), - это, в частности, проблема, обозначавшаяся как "непереводимость" терминологии и - более существенно - структур языков. По существу современный язык науки европоцентричен; его база греческие, латинские термины, что создает проблемы трансляции через носители и перевод. Можно ли и нужно ли преодолевать европоцентризм устоявшихся понятий сферы знаний или хватит рефлексии и осознанного действия? Не приходится уже говорить о возможности появления массы смысловых ошибок, связанных с машинным переводом, наподобие "лесов Бретани" (Brettonwoods) там, где нужно было знать о существовании Бреттонвудских соглашений 1944 г. [17, с. 389]. Но потенциальные языковые ошибки - лишь малая часть проблем "встречи" в "сети" цивилизаций и культур. Пусть читатель судит сам, только ли переводческие проблемы стоят за вариантами перевода с латыни "*Scientia potentia est*", *Wissen ist Macht* и т.н. как "знание - сила", если речь может идти и о власти. Далеко не языковые ассоциации возникают при переводе с английского на русский (и наоборот) "власть" как "power-сила" или "authority-авторитет", органов государственного управления как администрирования или менеджмента, термина "науки о культуре", когда в подлиннике есть Geist - дух в смысле "во имя отца и сына и святого духа." И так далее.

Эта, может быть, относительно простая ситуация поддается рекомендациям ЮНЕСКО (или ООН). Но и она - повод обсудить важнейшее последствие новой ситуации: вопрос об органе, регулирующем эту сферу. Управление Интернетом и жизненными проблемами индивидов и сообществ людей, связанными с киберпространством, - предвестник глобального порядка, сопровождаемого фрагментациями и болезненными явлениями. Свободная рыночная конкуренция в поле "знание" или игра по правилам? Кто и какие правила ее установит? Знание стало более доступным. Но человеческому сообществу в этой связи грозит новый раскол. Процент лиц и семей по странам, пользующихся компьютером, Интернетом, повторяет очертания деления мира на бедных и богатых. Кто и как станет противодействовать потере общественной исторической памяти, которая, считает социолог Пьер Нора, "является главной культурной проблемой современности"? [цит. по: 181. Перенасыщенность знанием (горе от ума) вероятно породит атрофию чувства его ценности. Как быть с различием знания и псевдознания, с информационными войнами (что бы не значил этот термин), тиражированием лженаучных знаний с разными, включая неблагоприятные, целями, с пресыщенностью информацией, отказом пользоваться ею и т.п.? Прогресс умножает потенциальный масштаб ошибки на несколько порядков: воинствующий невежда с компьютером сравним с маньяком, у которого в руках ядерное оружие. Масштабы варварства вырастут, если по компьютеру учить производству наркотиков, взрывчатки, ведению войн. Памятуя замечание В. Парето, что [З. р. 145] революции прошлого делали люди информированные, может статься, общедоступность знания повысит нестабильность мира. Здесь фильтры, барьеры надо строить заново.

Как не раз было с великими изобретениями в истории человечества, последствия массового доступа к знанию через машину будут такими, каков человек и какие он захочет иметь последствия. А это опять вечный вопрос: что нужно человеку, в данном случае - какое знание. Вопрос, который может оказаться самым сложным в социальном плане. Возможно, что направление поиска выходов из "тупиков знания" будет связано с идеями П. Сорокина о новом типе культуры [19]. Наука, образование, общество могут противиться последствиям и издержкам все доступности информации и знания. Ряд явлений придется профилактировать, с рядом придется жить. Еще острее становится роль заслонов, фильтров, корпораций, экспертиз, сообществ экспертов, норм регулирования этой сферы, хотя не будет недостатка в попытках решать все административным путем, решать проблемы тех, кто не может и не хочет пользоваться знанием во благо общества. Едва ли сейчас можно предвидеть, каким в итоге будет уклад общества в этом плане. Но выход в киберпространство существенно меняет мир повседневности, - объективный показатель глубины перемен.

Россия: риски и ресурсы

Новое содержание проблем знания по-своему ставит ключевые вопросы к конкретному социуму. России на дигитальный вызов нужен свой национальный ответ: у нее собственный ряд релевантных проблем, по которым не достает рефлексии и понимания со стороны научного и политического сообществ, общественности. Культурные корни, исторические, генетические сравнения показывают тип связей, взаимодействий знания, науки, общества более очевидно.

Особенное начинается с семантики, терминов. Русский язык (русское сознание, в терминах социолингвистики) отделяет *знание* от *науки*: по-русски "наука" - научение, получение знаний, но не собственно знание. Словарь [20, с. 120, 216] описывает слово *знать* как старославянское индоевропейского характера от *знати* в значении *отличить, отметить*, а слово *наука* как общеславянское от исчезнувшего *ука* из *ученье* и приставки *на*. Это отличие от языковой практики народов, использующих латинский корень *science* (знание) для обозначения науки. Русский язык - не исключение. Расхождения такого плана - скорее правило, оттеняющее те или иные социально-исторические оттенки значимости знания для конкретного народа.

Некоторые другие грани специфики отразил словарь В. Даля [21, т. 1, с. 1717]. Он определяет *знание* через синонимы: известность, данность, состояние, принадлежность знающего что-либо; сведение; знакомство с чем-либо, познание как плод учения, опыта и др. Интересно сравнить это семантическое поле с терминами *ведать*, (*с*)*ведение* [21, т. 1, с. 808]-знание, познание, разумение, сведение, понимание; и [21, т. 2, с. 1272] - *наука, учение*, выучка, обучение; изложение ветви сведений, не один только навык, а разумное и связное знание. Любопытно, что у немецкого глагола *узнавать* (*erfahren*) один корень с *ездить*; у глагола *познавать* (*erkennen*) - корень иной. *Сведения* стоят рядом со *знахарством*. К тому же у *сведения* и *ведьмы* один корень. И так далее.

В *российской социологической традиции* П. Сорокин знание ставил в контекст постижения истины, а в американский период жизни связал его со сменой типов культуры. Признан вклад в эту проблематику А.А. Богданова [4, S. 121-122]. Начиная с 60-х гг. А.А. Зиновьев, П.В. Копнин, А.И. Ракитов, Л.Г. Ионин и др. анализировали философские аспекты знания, познания, науки [22]. Сущность знания Ю.П. Ведин определял как "истинное отражение действительности" и "истинный познавательный образ" [23, с. 43, 53]. Велась критика буржуазных теорий знания [24], впрочем, достаточно полно знакомившая с усилиями философов и социологов Запада в этой области (Парсонс, Мертон, Бурдьё, Шюц и др.). В центре специальной диссертации о социологии знания [25] положение о постмодерне, проблемы знания как науки, сознания, образования. Однако трудно избежать впечатления, что социология знания в современной России осваивает проблематику, которая доминировала в европейской социологии в 50-60-е гг.

Специфика современной *общественной рецепции знания в России* гораздо более отражена в ее исторически актуальном аспекте. Начало новой истории нашей страны (Петр Первый) увидело импорт знания государством в угодных государству (-ю) же целях. России не пришлось пережить свою эпоху Просвещения - веку развития Европы на протяжении последних трех веков, замены в конце XIX в. (как это было в США) веры в бога верой в науку, технику. В России XX века религиозную веру заменила (в основном) идеология (в итоге обанкротившаяся). Собственно, все это - часть проблемы отсутствия в России в начале века общества, а в конце его - гражданского общества.

Историческое запоздание с определением роли знания (науки, информации) в стране предопределило в решающей, можно считать, степени катастрофы новейшей российской истории. Эти катастрофы - результат игнорирования тенденций, вызовов, рисков по незнанию и ограниченности (в силу привычки, традиций, идеологий, бесконтрольности и т.п.). Отношение власти к знанию, науке, информации сказалось на неготовности страны к Крымской, первой мировой, Великой Отечественной войнам, на событиях в Афганистане и Чечне, на их ходе. Накануне этих событий (справедливости ради: в Перл-Харборе случилось то же) с носителями знаний не советовались, их мнения игнорировались, институциональные каналы влияния "знания" на принимающих решения отсутствовали. Трудно считать, что в начале века XXI положение стало качественно иным. Факты истории выстраиваются в социологический ряд.

Следствием исторического развития политических институтов общества, а также неразвитости гражданского общества, отсутствия норм обсуждения проблем общества стала современная роль знания и научного знания. Она сохраняет черты инструмента, при главном пользователе - государств. Общество, граждане, население пока не институционализировали свое влияние на место знания (науки) в обществе, на развитие их компонентов, на отношение к знанию государства. По опыту других известно, что для этого нужны особое положение учреждений знания и науки по отношению к государству, каналы влияния (партии, парламенты, СМИ и др.) на политические решения государства.

Типичны для советского общества первой половины XX в. приказ Чапаева "экзаменовать и бумагу выдать по всей форме!" сельскому лекарю, фраза Жданова об

общественной науке: "засадить за книгу и создать несколько десятков людей, знающих теорию и умеющих излагать нашу марксистско-ленинскую теорию" [26], текст партийной резолюции "приобрести Краткий курс истории ВКП(б) и овладеть марксизмом-ленинизмом" [27, с. 3]. Прилагались огромные усилия, средства, чтобы догонять ушедших вперед, но ситуация в плане знания обесценила усилия и жертвы. Даже когда "информация" была, "знания" не было. Сталин не дал в конце 20-х левакам разогнать Академию наук, с начала 30-х гг. развивал технические науки. Он, учтя уроки 1941 г., создал Комитет по информации. Но научному знанию общественной роли это не прибавило. Россия и в начале XXI века знание признает, - скорее по привычке, по инерции, - но не ценит. Во всяком случае, когда немцы были в 1941 г. под Москвой и в 1942 г. под Сталинградом, библиотеки покупали на валюту научную литературу, с 1997 г. - нет.

Отношение власти к науке в России не компенсировано тем, что техническая наука в советское время по сравнению с предшествующим получила значительное государственное признание (преимущественно инструментальное, о философских аспектах НТР не очень задумывались). Но это лишь часть знания. Созданная в советский период жертвами и силами народа передовая оборонная промышленность, наука, обслуживавшая эту промышленность, стали жертвами ущербных представлений, утвердившихся в том, что называли наукой об обществе. В наши дни эта наука (здесь тоже показательна терминологическая путаница: есть общественные и гуманитарные науки, социальной формально нет) не признана и не работает, более того, ей, ее носителям не доверяют. Эта часть науки осталась под жестким контролем. В 90-е гг. аналитические подразделения государственных организаций и корпораций сокращались за счет экспертов, аналитиков, консультантов и др., поскольку вес и судьба экспертов и знания в современной России оцениваются по критерию Петра Первого - польза для конкретного носителя власти. В госструктурах дигитальное знание, информация работают, но нет регламентов, гарантирующих, что она будет всесторонней, не ложной, а ее потребители окажутся способными ее оценивать. Ученые-обществоведы не приучены нести ответственность (начиная с материальной) за рекомендации и проекты. Общество пока не в состоянии принять меры по институционализации статуса знания в принятии управленческих и тем более государственных, политических решений. Принятие решения командармом при поддержке компьютера уже возможно, а депутатами - едва ли. Специфично отношение к компьютеризации как, прежде всего, к средству массовой информации, требующему больше страховки от возможных угроз для национальной безопасности - наивная ошибка того же типа, что демонстрировали отцы церкви при "встрече" с печатными книгами. Не связана ли безопасность страны прежде всего с перспективой отставания в интенсивности и темпе компьютеризации, - независимо от размера кошельков пользователей?

Между тем, компьютеризация специально для России содействовала бы преодолению социальных последствий уникальных российских расстояний, ведущих к изоляции отдельных территорий, сообществ, групп, этносов, и через это преодоление - вхождение регионов страны в цивилизационные процессы. России неотложно нужны регулирующие действия в отношении стоимости предоставления научной, учебной информации в сетях Интернет-услуг. Иначе ценности знания легко отступят перед ценами на пользование сетью, на месте России образуется, появится край дигитальных бомжей, вырастет пропасть в числе пользователей сетью в сравнении с ведущими странами. Это поставило бы под удар национальную безопасность (научно понятую).

Урок по теме "Знание в истории России в XX в." показывает, что знания не доставало обществу, государству, народу. Со своей стороны сообщество ученых, экспертов, консультантов и др. носителей знания усвоило в известной своей части назначенную инструментальную роль, порождающую недоверие государства, общества, населения. Нет вошедшего в культуру сознания общественной ценности знания и необходимости регулятивных механизмов обеспечения оптимального его функционирования, регуляторов и предохранителей в виде гражданского общества. То обстоятельство, что в

последнее время преобладает обсуждение внутрицеховых проблем институтов научного знания, - отражает отмеченную специфику. Следовательно, опасность, исходящая от институтов власти, есть, а острота задачи реализации потенциала знания в России сохраняется. Заданную прошлым и настоящим России культуру индивидов и элит не перепрыгнуть. Власть силы пока не уступает место и власти закона, и власти знания. Дискурс "Знание, широкая публика, гражданское общество и власть имущие" и регламентация роли знания в институтах власти еще предстоят.

Знание о знании и социология

Вышеизложенное имеет непосредственное отношение к проблемам социологии в целом. Эволюция взглядов на ключевой объект социологии знания дает в этом плане определенный эмпирический материал. Информационная революция, создавая явления, во всей значимости разворачивающиеся за пределами XX в., вынуждает социологов заново возвращаться к социальной сути знания. Так много сущностного затронул компьютер в объектах отраслевых и общей социологии, что возникает новая возможность обсудить вопрос - что же такое социология, что она изучает и т.п. Социология знания середины XX в. изучала связи общества и знания, таков был, во всяком случае, традиционный подход большинства социологов. Раздавались утверждения, что социология знания - часть социологии культуры, если "культура" - типология подхода к нормам и правилам: культура в антропологии, археологии близка среде обитания. П. Сорокин ставил вопрос о типах культуры, пытаясь найти ключ к решению возникающих критических проблем. Компьютер делает проблему границ научных специальностей менее актуальной. Безбрежное количество знания ставит в центр качество научного знания - новизна, прибавление, применимость и т.п. Но мир знания (социологическое знание - частный случай) всегда сегодняшний. Наука учитывает генезис этого сегодня и выявляет потенциал перспектив, давая в облике теории синтез прошлого, настоящего, будущего, обогащая друг друга. Человек знающий явился с умением выживать и ради выживания. История общества (и всего сущего) неотделима от человека: видимо, суть человеческой экзистенции - выживание. Предмет социологии разворачивается как нарратив о выживании человечества и усилий ради этого, - то есть общества. Социологическую теорию трудно отделить от истории общества как комплекса индивидов знающих, обладающих сознанием (общественным по сути) и выживающих благодаря общественным поведению и познанию (использованию, конструированию) материальной среды обитания и поведения. Континуум проблем знания и морали, присущих исключительно человеку, позволяет социологии не теряться в частностях. Другое дело возможность действительно разумного человека и проблема его отличий от животных.

Перефразируя О. Конта: видеть, чтобы предвидеть, скажем, что компьютер видит, человек предвидит. Человек предвидит через знание, а говоря о социологии, - через ее теории. Каковы последствия роста дигитального знания для социологии знания, образования, науки, научного знания и др.? Терминологически (в отличие от подхода большинства исследований 80-90-х гг. по философии и социологии знания) знания в цифровом виде предстают скорее как сведения по отдельным вопросам и комплексам знания в глобальной базе данных, доступные через Интернет и компьютер. Как оценить увлечение не "сведениями", а наукой? Частично это расхождение отражает разницу между акцентами философии на сущности вещей и социологией (функциональность, позитивизм) знания. Новая ситуация во взаимоотношениях "сведений" с наукой и научным знанием едва ли обесценивает проблематику, которая волновала исследователей этого круга проблем после М. Шелера. Скорее, она возвращает к существу проблем, поднятых литературой по социологии знания.

Акцентируя сумму сохраняемой (в электронном виде), потенциально обще- (и общественно) доступной информации (сведений), социология знания возвращается к исконным проблемам знания: накопление общественно проверяемых на достоверность

сведений (качество); масса доступного индивидам данных; трансляция знания как опыта выживания, сохранения, продолжения жизни (ценность знания).

Пользователю монитора данные, информация, информационные технологии - в отличие от докомпьютерного знания - могут представляться более социально нейтральными, отделенными от творца, более самодостаточными и объективными, независимыми от человека. Эта модифицированная, известная в социологии знания проблема субъективности и объективности знания. Но база данных не делает знание более объективным или субъективным. Знаки, зашифрованные человеком, их носители, нуждаются в человеке; функция потребности со стороны индивида или группы остается сутью знания (данных); в проблеме: кому даны знания, имплицитован и человек и производный комплекс социальных, психологических, технических, культурных проблем: трансляция, специализация, усвоение, институционализация, фрагментация знания и т.п. Социология знания на пороге дигитальной революции демонстрирует нераздельность знания (информации, данных, сведений) и общества, подходящего в нем, индивидов, групп. Их отношения со сферой знания (данных) - подвержены регулярностям, знакомым по иным сферам социума: связь знания с практикой как критерий истины, подтверждение полезности и применимости; знание как компонент общества и человека во времени и пространстве, при этом, подчеркнем - с центральной проблемой социологии - человеком.

На новом уровне социология знания в пороговой ситуации поворота к новому качеству разворачивает свое содержание как историческая социология знания и своими составными частями возвращает к комплексу во многом знакомых проблем социологии.

Знание индивидов преобразует деятельность человека и через него его мир. Это и старо и ново. Новое и есть забытое старое (в сущности, эта обиходная форма научной гипотезы о цикличности сущего, на чем настаивал, например, П.А. Сорокин [28]), если они оба в лице меняющихся поколений людей, ученых близки к сути известного. Человек мыслящий и действующий создает среду своего обитания и поведения, включая киберпространство. Через знание сути вещей формируется общество, оно - формирует знания: "природа познания конституирует объект" [25, с. 10]. Человек предстает как часть общества, продукт своих (и других) общественных сознания и поведения. Тем самым вскрыта суть социологии знания. Безбрежные базы данных дела не меняют: микро- и макропроблемы знания остаются в круге: человек - земля - вселенная. "Обладание" знанием в карманном микрокомпьютере лишь налагает на личность и на институты человечества более высокое качество ответственности за жизнь планеты.

Новые методы, новые объекты, новые горизонты сферы знания показывают, что знание, информация, наука едины и различны, порой антагонистичны. Новый этап познания/знания приглашает вновь, по-новому осознать роль не только знания, но и регулирующих его и его применение институтов, ценностей, норм. В социологии знания усиливается значимость концентрации усилий на ошибках знания (возможно, это частный случай теории рисков). Знание (информация, сведения, науки, теории), сжатое в базы данных, способно расширяться с огромной энергией, освободить ее: с какими последствиями? Энергия, созданная человеком, затрагивает человечество, подчеркивая качественную сторону знания: умение индивида не ошибаться - в данном случае в базах общедоступных данных. Новый уровень проблем общества требует, прежде всего, осознанной ответственности пользователя знанием за недопущение человеческих катастроф. Насущность и острота этой проблемы особенно очевидны в связи с тем, что подавляющая часть ныне живущего населения планеты (примерно каждые пять человек из шести) не пережила катастроф XX в. и, следовательно, лишена личного опыта (сознания) необходимости быть "бдительным" (ныне забытый Ю. Фучик).

Базовая для знания проблема человека напоминает, что люди разные. Они ведут и будут вести себя по-разному, что и для этой сферы ключевое значение имеет мораль (может быть, здесь и проходит грань с животным миром и граница этого мира с

человеком). Будет ли дигитальное знание моральным, будут ли машины быть моральными, это вопрос, возможно, будущего. Сейчас же важнее мораль на каждодневные случаи. Вопрос: кто будет ее применять (а судьи кто?), - требует новых механизмов, норм, обычаев. Но мораль (традиционная проблема цели и ценностей знания) остается императивом знания и поведения знающих и невежд (*не ведающих*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Van Doren Ch.* A history of knowledge. Past, present, and future. N.Y. 1991.
2. *Иванов Д.В.* Критическая теория и виртуализация общества // Социолог, исслед. 1999, № 1; Он же. Виртуализация общества. СПб., 2000; *Романовский Н.В.* Интерфейсы социологии и киберпространства // Социолог, исслед. 2000, № 3 и др.
3. The sociology of knowledge. A reader. Ed. by *J. Curtis. J. Pelras.* N.Y. - Wash. Praeger. 1970.
4. *Griinwald E.* Das Problem der Soziologie des Wissens. Versuch einer kritischen Darstellung der wissenssoziologischen Theorien. Hildesheim. 1967. (Текст книги написан в начале 30-х гг.). P. 107.
5. Versuch zu einer Soziologie des Wissens. München-Leipzig. 1924. *Scheler M.* Die Wissensformen und die Gesellschaft. Leipzig. 1926 (*Его же.* Человек и история. Избр. произв. М.: Гнозис. 1994); а также работу французского современника социолога Ж. Гурвича - *Gourvich G.* Les conditions sociales de science. P. 1927.
6. *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Теория познания - мировоззрение - историзм. М.: ИНИОН. 1994. (Перевод трех очерков Мангейма 20-х гг.). Вступ. статья Е.Я. Додина; *Мангейм К.* Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М.: Паука. 1994; *Мангейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений - Состязательность - Экономические амбиции. М.: ИНИОН. 2000; Социология научного знания. Научно-аналитический обзор. М.; ИНИОН РАН. 1998.
7. *Eriksson B.* Problems of an empirical sociology of knowledge. Uppsala. 1975.
8. *Бутенко И.А.* Социальное познание и мир повседневности. М., 1987.
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. *Berger P., Luckmann* ГЛ. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. L., 1971.
10. Webster's approved dictionary. Cleveland - N.Y., 1956.
11. *Tavakol M.* Sociology of knowledge. Theoretical problem. New Delhi. Sterling publ. 1990.
12. *Seiffert H.* Information uber Information. Informationssoziologie. Munchen. 1968.
13. *Machlup F.* Knowledge: its creation, distribution, and economic significance. Princeton. 1980.
14. *Астафьев Я.У.* Современные тенденции развития социологии знания. Автореферат канд. социолог, наук. М.: ИС РАН. 1994.
15. *Гладун В.П.* Процесс формирования новых знаний. София. 1994.
16. *подин Е.Я.* Вступ. статья // *К. Мангейм.* Очерки социологии знания: Теория познания - мировоззрение - историзм. М.: ИНИОН. 1994.
17. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
18. Социол. исслед. 2000, № 3. С. 93.
19. См. *Sorokin P.A.* Social and cultural Dynamics. Vol. 3. N.Y., 1937; *Сорокин П.А.* Условия и перспективы мира без войны // Социол. исслед. 1999, № 5; и др.
20. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
21. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1994 (Репр. воспр. изд. 1903-1909 гг.).
22. *Авалиани С.И.* Природа знания и ценности. Тбилиси. 1989; *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. М. 1979. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
23. *Ведин Ю.П.* Сущность и структура знания. Рига, 1972.
24. *Москвичей Л.Н.* Современная буржуазная социология знания. Критические очерки. М., 1977; *Бутенко И.А.* Социальное познание и мир повседневности. М., 1987; Современная западная социология науки. Под ред. *В.Ж. Келле и др.* М., 1988; *Руткевич Е.Д.* Феноменологическая социология знания. М., 1993.
26. *Астафьев Я.У.* Современные тенденции развития социологии знания. М.: ИС РАН. 1994 (Автореферат... канд. дисс.).
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 77. Оп. I. Ед. хр. 607. Л. 3.
27. Бакинский рабочий. 19 января 1949 г.
28. *Сорокин П.А.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социол. исслед. 1998. № 12.